

Елена прекрасная

Вот не в котором царстве, не в котором государстве был-жил царь. У царя было три сына. Старший — Василий, средний — Федор, а уж меньшей, как всегда рассказывается, был Иван. Без Ивана сказка редко живет.

Вот когда эти сыновья уже стали на возрасте, так сейчас царь собирает всех трех и объявляет такую вещь:

— Вот, сынки мои любимые, вы сейчас знаете что? Я сейчас пока еще не стар, мне охота бы вас женить и посмотреть на ваших деточек, на своих внучат.

Сыновья отвечают:

— Так что же, батюшко, благослови, на ком жениться мы станем?

Отец отвечает им так:

— Вот что, сынки, выбирайте невесту вы себе сами: вам надо жить с ней, а не мне, — мой совет такой.

— Да нет, батюшко, нам бы хотелось узнать, что на ком тебе бы желательно нас женить?

— Так вот я вам, пожалуй, скажу и это. Возьмите вы, сделайте себе по самострелу и стрелите: куда ваши стрелочки падут — там вам и судьба жениться. Вот пусть на крестьянский двор падет, или на поповский, или там на княжеский — куда стрелочка падет — там вам и судьба жениться.

Ребята поблагодарили отца. Пошли, сделали себе по самострелу, выстрелили и пошли за этими стрелками следить, где ихни невесты. Вот у старшего — Василия — пала на королевский двор; у среднего — Федора — пала на княжеский двор; те пошли за стрелками и тут же поженились, А у младшего — Ивана — поднялась и улетела, и сам не знает, куда. Пришлось тоже итти по направлению, разыскивать свою стрелу. Вот он и идет и идет. Вышел из города и пошел по направлению в лес. И видит, в лесу лежит большое болото. И на болоте небольшой хуторок. И на этом хуторке видит свою стрелку. Да, подходит к этому хуторку и ставаег на крышу. Снимает ее с крыши и хочет итти домой. Только что хотел итти домой, вдруг выходит из хуторка старая-престарая старушка и заговорила:

— Ну, Иван-царевич, как ты пришел сюда за стрелочкой, то, значит, твоя судьба притянула тебя ко мне. Ты должен меня взять замуж по отцовскому благословию. Он посмотрел на нее и говорит:

— Неужели я дожил до такой старухи? Ведь у тебя и ни одного зуба-то нет во рту, и итти-то ты не можешь. И не надо мне тебя, и я тебя не возьму!

— Ну, не возьмешь, как хочешь. Раз отец благословил — - надо меня тебе взять. А не возьмешь — все равно от меня не уйдешь.

И он сказал:

— Нет, не возьму, пойду прочь.

И пошел. Но уйти никуда не может, вязнет в болоте.

— Вот она к нему подходит ближе и говорит:

— Ну, возьмешь, так не утонешь, а не возьмешь — все равно утонешь, не уйти тебе никуда от меня.

А он немножко подумал: «Что мне погинуть этта, так пожить еще охота. Ну, все равно, чорт с ней, возьму, все едино жить с ней не стану».

Потом сказал:

— Ну, ладно, иди же, чорт с тобой, возьму тебя замуж!

И сразу очутился уже на крепкой почве. Вот идут, и говорит она ему дорогой:

— Вот, Иван-царевич, хоть ты и взял меня, но держать не умеешь (к чему это сказала, это впоследствии выяснится). Он идет вперед и даже не оглядывается, думает про себя:

«Все равно я с тобой жить не стану». И в скором времени пришли они в царство. Завел ее в одну комнату, оставил, а сам пошел к отцу обсказывать свое несчастное положение, что с ним случилось. Вот когда он пришел к отцу, отец и спрашивает; — Ну, где ты, сын, так долго ходил и где невесту себе нашел? Уж братья твои женились: один на княжеской дочери, другой на королевской. Он ему отвечает:

— Ой, батюшко, не спрашивай про мою женитьбу. Какой я у тебя родился несчастный меньшой сын.

— Ну, так что с тобой, сынок, расскажи, а я послушаю, на ком ты женился, кого привел?

Вот он стал рассказывать, как он выстрелил и пошел разыскивать свою стрелочку и как улетела стрелка в болото и пошел по направлению свою стрелу разыскивать.

— Когда я пришел в болото, и вижу небольшой хуторок и на нем свою стрелу на крыше. Я достал ее, хочу уйти прочь. Только я пошел — выходит старая-престарая старушка из этой избушки и говорит: «Ну, Иван-царевич, Значит, судьба нам, раз отец благословил тебя взять меня замуж». Я, конечно, отказался от нее и хотел итти прочь, но стал тонуть в болоте и выйти никак не могу. Тогда она подходит и сказала еще : "Будё возьмешь — не утонешь, а не возьмешь — утонешь и не уйдешь никуда". И вот я, батюшко, взял и привел ее. Неохота мне-ка было потонуть в болоте, делай, что знаешь, со мной. Теперь говорит отец Ивана:

— Ну, что делать, Ваня, видно, твоя судьба. Пусть живет она. Если делать ничего не может — это ничего. Пусть все равно живет, может, скоро умрет, раз она стара. Ты женишься потом на другой.

И вдруг приходят те братья к отцу, отец и говорит:

— Ну, вот что, сынки любимые: на завтрашний день ко мне приходите, а я устрою для вас пир. И принесите по рубашке, пусть жены сошьют по рубашке, и я узнаю, которая из трех самая рукодельная, и тому отдам царство сыну.

Гот братья сказали:

— Ладно, батюшко, мы пойдем и прикажем им. Потом отец сказал Ивану:

— Пусть и твоя старушка сошьет, если умеет; а уж если не умеет — то со старой взять нечего.

Иван повесил голову и пошел. Вот он пришел в эту комнату, где она сидела, и очень печальный сел на лавку. Даже и не смотрит на нее.

Она подходит.

— Ну, что, Иван-царевич, ты невесел — буйну голову свою повесил? Что же тебе отец велел сделать, какой дал заказ?

А сама знает — волшебница. Вот он ей и говорит:

— Что ты можешь сделать? Батюшко вмел всем невесткам сшить по рубашечке, а что ты можешь сошить, как у тебя руки трясутся, чуть ходишь? И лучше отстань, не расстраивай напрасно!

И еще пуще голову свесил. Она и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, не весь своей головы, а сходи, принеси мне десять аршин шелку, хошь я, может быть, и худую, а сделаю, не пожалей шелку.

Теперь он думает: «А, чорт с ней, пусть!» Пошел, принес десять аршин шелку: «Пусть делает». И сам пошел, чтобы не глядели его глаза. Вот эти невестки, когда братовья принесли им шелк, пришли посмотреть, как старая старуха будет шить. Когда она получила этот шелк, взяла, вырезала его на мелкие куски и выкинула эти куски за окно:

— Ветры буйные, сделайте батюшку рубаху, без единого шва, чтобы не стыдно ему было надеть ее при гостях.

И вдруг, не прошло несколько минут, и рубашечка была готова: скатана, накрахмалена.

Она взяла ее, завернула и села на свое место. Невестки Эти побежали от нее домой. Ну, и тоже все сделали так же: разрезали шелк на мелкие части и выбросили за окно, сами стали ожидать, когда будет готово, тоже эти слова сказали:

— Ветры буйные, сошейте батюшку рубашечку!

Сколько они ни ждали — ничего у них не вышло. Вот они и говорят своим мужьям:

— Ну, мужья, у нас ничего не вышло. Бежите скорей на рынок, купите какие ни на есть самые лучшие рубахи, чтобы нести отцу.

Те, конечно, собрались и отправились на рынок. И из самых лучших магазинов купили самые лучшие шелковые рубахи. Принесли домой. Тут же кряду собрались, надо было итти к отцу, к девяти часам. И Иван тоже это знал, что надо итти. И вдруг Иван приходит к своей старушке и говорит:

— — Ну, что у тебя есть сделано?

А сам поворачивает голову на другую сторону, даже на нее и не глядит.

Она отвечает:

— Вот у меня, Иванушко, тут есть полотенце — завернута батюшку рубаха, буде понравится, так подари, пусть не осудит, уж какая есть.

И так все три брата приходят к отцу.

Вот сразу, когда они только явились, отец спросил старшего сына:

— Но-ко, Василий, покажи-ка, что у тебя жена за рукодельница есть?

Сейчас Василий вынимает рубаху и полагает на стол. Когда он посмотрел рубашечку, потряс ее и говорит:

— Ого, таких рубашечек на рынке можно сколько угодно купить. Плохая твоя жена рукодельница. Такие рубашки, бывает, что в праздники лакеи наши носят, и даже конюхи. Но-ко, ты, Федор, покажи своей жены ремесло, что она за рукодельница?

Когда он посмотрел тоже рубаху, и развернул:

— А, просто, как будто из одной фабрики все шло. Наверное, обе рубахи из одного магазина.

Потом подошел царь к младшему сыну и говорит:

— ну, Ванюша, покажи теперь ты своей старушки рукоделье, я с ней спрашивать много не буду, какую уж она сделала — на то и буду мириться.

Иван подает ему сверток и говорит:

— Посмотрите, батюшко, я сам не смотрел, а она сказала, что пусть батюшко не осудит — какая есть.

Теперь батюшко развернул рубашку и говорит:

— Ну, посмотрите, какая это рубашка. Нет ни одного шва, она как будто живая. За эту рубашку, Иванушко, надо бы тебе и твоей жене-рукодельнице отдать царство, но уж не знаю, только что она старая, дак! Вот так рубашка! Вот уж не стыдно такую и при гостях надеть. Теперь батюшко и говорит своим сыновьям:

— Вот что, сынки, принесите мне завтра каждый по хлебу, и по этой стряпне я узнаю, как ваши жены будут вас кормить.

И с теми словами братья разошлись. Старшие братья пришли и говорят:

— Ну, жены, батюшко не похвалил вашего рукоделья, а похвалил только рубашку, которую шила Иванова старушка. Очень хорошая у ней сошита рубашка. А теперь батюшко приказал испечь по хлебу — для гостей ему надо. Ну, старайтесь, мы принесем вам муки.

Тогда Иван тоже приходит к своей старушке. Сел на стул и повесил голову. Молчит. Вот она подошла к нему и говорит:

— Что, Иван-царевич, невесел, что буйну голову повесил, или батюшку не понравилась рубашка, или он дал какой новый заказ? Я постараюсь и, может быть, как-нибудь сделаю. Он говорит ей:

— За рубашечку-то он не хулил, даже спасибо сказал и похвалил тебя. Но теперь он велел испекчи по хлебу. А где тебе это сделать, как у тебя руки трясутся, и на саму-то глядеть страшно.

— Ну, так слушай, Иванушко, уж не пожалей ты фунтов десять муки принести мне. Я какой-нибудь хлеб сделаю. Уж какой будет, такой и ладно.

Ну, он принес ей муки, а сам ушел, чтобы не глядели глаза.

И вот она сейчас, конечно, муку растворила, тесто выходило.

Она стопила печь, а в это время прибегают невестки смотреть, как она будет печь. Когда печь истопилась, она угли разграбила все по печи, выливает это тесто на угли, закрывает печь и держит его в печи два часа. (Раньше, видно, тоже по часам пекли-то!) Вот прошло два часа. Она открыла печь, и пошел сразу аромат по всей избе, так что духом кормит. Потом вытянула. И такой вышел хлеб румяный да пышный, что как картина. Ну, невестки убежали домой. Сейчас же стопили в ту же минуту печи, уголья по печи разграбили, вылили это тесто на уголья и закрыли печи заслоном (только немножко не угадали, не с той сходили!). Вот прошло два часа; как скрыли печи, а там одни угли: ни хлеба, ни теста, оказались одни угли.

И вдруг приходят ихни мужья.

Когда пришли и спросили:

— Ну, как, жены, готовы ли хлебы?

— Нет, у нас ничего не вышло, все сгорело. Надо купить на рынке, так что уже время вышло, нам теперь не справиться.

Вот братья и пошли на рынок, а Иван без заботы, никуда не ходит. Вот они сбегали на рынок и купили самых дорогих изюмных хлебов. Принесли домой, а жены завернули эти хлебы в скатерётки, и братья понесли отцу.

Иван видит, что время итти, приходит к старушке:

— Ну, что, если изготовила — дай, я понесу, уж время итти.

Она приносит скатерть, завернула хлеб и говорит:

— На, Иванушко, неси. Понравится ли, нет батюшку, а я лучше печь не умею.

Иван пошел вслед за братьями. Вот когда они пришли, царь спросил старшего сына:

— Ну-ко, покажи изделие твоей жены, чем она будет тебя кормить?

Он сейчас подает хлеб. Он развернул его и посмотрел, и сам говорит:

— Дак у нас этикие хлебы в праздники лакеи и конюхи едят. Ну-ко, ты, Федор, покажи. Тот развернул скатеретку.

— На, батюшко, смотри.

— Так все равно, с одной фабрики или с одного рынка взяли. Ну-ко, ты, Иванушко, покажи, у тебя жена старая, тут уж взыскивать не буду. Иван развернул скатеретку.

— На, батюшко, смотри, я не смотрел сам. А она просила строго не взыскивать.

Когда батюшко развернул скатеретку, то понесся аромат по всем комнатам.

И сказал батюшко:

— Вот так хлеб, любо гостям подать: кусочек съешь — другой с ума не пойдет; а уж другой съешь — третий боле захочется. — Потом еще сказал: — Ну, сын, была бы твоя жена помоложе, тебе бы престол отдал за ейное рукоделье, ну, только уж стара она очень, так пока я ничего не скажу, а вот приходите завтра все трое со женками, пусть они принесут мне по ковру своей работы. Какой умеют, такой пусть и сделают.

Братья все пошли домой. А в это время у царя стали гости собираться на бал. Братья пришли и сказали своим женам:

— Но, женки, сшейте по ковру, и завтра пойдем к батюшку на бал.

Иван, значит, тоже идет к своей старушке, голову повесил и думает: «Что теперь я буду делать, как батюшко такой дал наказ? Ну, куда я ее поведу на бал, мне будет совестно, и перед братьями и перед гостями. И все будут глядеть на нее и смеяться».

Подходит старушка к нему.

— Что, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил, чем тебя батюшке огрубил, или я ему что плохо сделала, или дал наказ какой?

— Батюшко за твою работу очень благодарил тебя, но теперь дал такой наказ — к завтрашнему дню сошить вам всем по ковру своими руками и еще притти

нам с женами к нему на бал. Ну, куда я тебя поведу такую, ведь братья станут смеяться, и все гости.

— Ну, ладно, Иван, что же делать? Поди, ложись спать, к утру я тебе ковер сделаю, а ты на бал поди один. Куда я пойду насмех людям?

Иван пошел, спать повалился. А в это время эти невестки в ночь сошили по ковру и утром одеваются в царские наряды и справляются на бал. А Иван пошел к своей старушке.

Когда он пришел, она подает ковер и говорит:

— На, снеси ковер батюшку.

Он посмотрел на нее и спрашивает:

— А ты как, не пойдешь, старушка?

— Да нет, я не пойду. Куда мне насмех людям итти? Он берет этот ковер, а она ему и говорит:

— Когда принесешь этот ковер, положи его на стол, а там видно будет.

Он берет этот ковер и поворачивается итти, а она ему говорит:

— Слушай, Ваня, я еще тебе несколько слов добавлю: вот когда ты придешь на бал, то братья тебе сразу скажут:

«Что ты не привел свою старушку, хоть бы люди посмотрели, какая она красавица». А ты им скажи: «Бросьте вы, братья, смеяться, зачем над старой смеяться?» И вот смотри и сиди. Дождик пойдет, ты и скажи: «Моя женочка дождевой водой умывается». Братья пуще будут над тобой смеяться. Потом гром загремит, а ты скажи: «Моя женочка в дорогое одеянье начинает одеваться». Они над тобой еще более будут смеяться и говорить: «Брат начинает глупить». Вот как молния блеснет, ты скажи: «вот моя женочка едет». И сразу выходи на крыльцо меня встречать.

И с этими словами Иван вышел и просто ног под собой не слышит, как идет во дворец. Вот приходит, кладет ковер на стол, ковер кряду соскакивает со стола и начинает плясать, танцевать и на музыке играть. А когда те братья принесли ковры, то их только под ноги бросить да ходить.

Вот отец и говорит:

— Ну, Ваня, за такое рукоделье твоей старушки, почему ты ее не привел, хотя бы она здесь с нами посидела.

Он ответил отцу:

— Но она не пошла, а может быть, и придет, я не знаю.

И сели после этого все за стол, и Ваня сел рядом с братьями. Потом начинает старший брат Василий говорить:

— Так что же ты, Ваня, не привел своей старушки, хоть бы посмотрели на такую красавицу люди.

И подтверждает кряду Федор. Он и говорит:

— А бросьте вы, братья, смеяться, ведь не всем быть красивыми.

И вдруг походит дождь.

Ваня смотрит и заговорил:

— Вот моя женочка дождевой водой умывается. А Василий и говорит Федору:

— Смотри-ко, смотри, Иван-то со своей старухой уж глупить начинает, замолол что-то, что дождевой водой умывается.

Вот и гром грянул.

— Вот моя женочка в снарядное платье снаряжается. Федор ему и говорит:

— — Брось ты, Ваня, ведь при гостях-то шутить неудобно. Вот и молния блеснула. Он говорит:

— Вот моя женочка едет сюда, — и выскочил, побежал встречать. Выбежал, смотрит — мчится тройка белых лошадей, и на ней сидит такая красавица дамочка, что даже глазом обвести невозможно, только взглянуть, так обрадуешься. Подъехала к крыльцу ихватила Ивана за руку, и пошла кверху.

А Иван так обрадел, что думает: «Хоть жена ли она есть, хоть не во сне ли это все мне снится?» Заходит, конечно, за стол, и братья, отец и гости глаза вылупили, смотрят на нее неотрывно, до чего у Ивана жена хороша.

Тогда он поднялся и сказал:

— Так что, братья, еще ли будете смеяться над моей женой, что она старуха?

И братья замолчали, точно умерли. Все сидят за столом. Потом подошел отец к сыну своему и невестке и сказал:

— Дай мне руку, большое тебе спасибо за твою рукодельную работу. И вот, Ваня, я говорю, и все гости это подтвердят: я даю сейчас полцарства, а после

моей смерти заступаешь царем надо всем моим царством. Потом и спрашивает у сына:

— Ну, Ваня, скажи, как твою жену звать? А Иван отвечает:

— Батюшко, я и сам не знаю, потому что она была старушкой, спросите у ней сами. Он подошел к ней:

— Ну, невестка, скажи, как тебя звать, так мы и будем тебя почитать.

Она отвечает:

— Мое имя просто и легко, — меня зовут Елена Прекрасная.

Теперь дальше. Гости стали есть и на Елену Прекрасную все глядеть, и также невестки. Вот она ест, кусочек в рот, а другой себе в рукав, и невестки делают так же. И гости все смотрели, дивились и даже некоторые есть не могли, настолько она была красива, а уж про Ивана и говорить нечего, тот без памяти от такой жены сидит. И как она рассмеется, то золото повьется, а расплечется — жемчуг покатится.

Теперь после этого пошли танцевать. Иван вышел со своей Еленой Прекрасной танцевать. И вот они немного потанцевали — она возьмет и махнет рукавом. Открылось окно и за окном протекла река Нева, по реке заплывали разные уточки, селезни, гаги, и все запели на разные голоса.

Потом вышли братья, пошли танцевать со своими женами. Те тоже немного потанцевали, и невестки махнули рукавом, — и из рукавов посыпались крошки и кости и полетели в гостей и в отца.

Царь закричал:

— — Что вы, что вы? Ведь глаза можете так выбить всем гостям!

Им стало стыдно. Когда это все успокоилось, Иван вспомнил: «Куда моя жена положила эту свою старость, дай-ко я пойду, посмотрю».

И походит.

Она его и спрашивает:

— Куда ты, Ваня,ходишь?

Она догадалась, куда он походит, только не думала, что он этак сделает-то.

— Да я этта недалёко.

И убежал. Приходит в комнату, где она жила, искал, искал, — нет ничего. Потом пошел в умывальню и видит — висит ейный кустюм. Он, ничего не говоря, затопил печку и раз — кинул его туда.

— Пусть он сгорит, чтобы она больше никогда его не надевала.

Думал для лучшего. Когда он пришел обратно, то она спросила его:

— Ты где, Ваня, был?

— Да я был этта недалёко, — не сказыват.

— Наверно, ты был дома и сожег мой кустюм. Если сожег — скажи мне правду и поедом домой сейчас же. Он потом и говорит:

— Да, Елена Прекрасная, сожег.

— А ты знаешь, что сделал? Ты теперь открыл меня Кощею Бессмертному. Отец сдул весь капитал на этот кустюм, чтоб на семь лет закрыть меня от Кощея Бессмертного, и оставалось еще ждать три дня, тогда бы он забыл меня, а теперь он приметит и возьмет меня. Давай, пойдом скорее, будё успеем.

Только они вышли на крыльцо, как спустился черный вихорь, подхватил ее, и он остался один.

Вот он пришел домой, не пьет, не ест, свалился и давай плакать. И думает: «Что я теперь наделал, не мог подождать три дня».

Отец ждал, ждал, с каким объяснением придет сын, не дождался, и на третий день сам пошел навестить их. Когда приходит, то смотрит — сын лежит в постели один.

— Что ж ты, Ванюша, ко мне не являешься и лежишь в постели один, а где твоя жена?

— Моя жена, — отвечает Иван-царевич, — вот я что, батюшке, наделал. Когда с пира убежал и начал искать, куда она эту старость положила, — и начал ему говорить, — искал, искал, нашел этот кустюм старой старухи. Взял, затопил печь и сожег его. Когда я сожег и прибежал обратно, Елена Прекрасная меняй спрашивает: «Ваня, ты где был, всяко мой кустюм ты не сожег?» — «Я дома был и сожег твою старость». — «Ну, давай, скорей поедом домой, а то Кощей Бессмертный меня схватит». Еще сказала: «Ты не мог три дня помешкать, тогда бы Кощей Бессмертный меня забыл совсем». И вот когда мы

вышли на крыльцо, спустилась чернеть, и подхватила Елену Прекрасную невидимая сила и унесла. Вот теперь и остался я один и лежу и плачу.

Улетело у него все дорогое.

Тогда сказал отец:

— Дурак же ты, Ваня, поэтому; не мог ты помешкать три дня, а она была бы потом всю жизнь твоя. А вот теперь что будешь делать, и я тебе тоже помочь ничем не могу. И пропало теперь царство для тебя, потому что ты неженатый.

Теперь Иван и говорит:

— Но, ладно, папа, пусть мама испекет мне подорожничков, я хоть умру, а все равно пойду ее разыскивать, мне без нее не житье.

И вот так кряду же ему приготовили сумочку. Он простился с отцом, с матерью и отправился в путь-дорогу.

Вот он идет, идет, идет далёко иди близко, и все он идет дорогой. И до того он дошел, что итти не змог и пищи у него ничего не стало. И думает: «Ну, теперича все равно дорогой голодный умру».

А в это время видит — стоит избушка. Стоит и вертится.

Он подошел и сказал:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, а одну ночь ночевать, Запусти прохожею!

Избушка остоялась. Он заходит и видит: стоит старуха у печки.

— Фу-фу, на Руси не бывала и русского духу не слыхала, а теперь слышу. Съем я тебя, молодец, я тридцать годов человеческого мяса не едала.

Он заговорил:

. — Что ты, бабушка, холодного, голодного будешь есть, ты бы меня напоила, накормила, баню истопила, да в бане выпарила, а тогда бы тебе было мягче есть меня.

Потом старуха посмотрела на него. Напоила, накормила и в то же время баню истопила и в бане его выпарила, уложила в кровать и дала ему поспать, а потом подошла к кровати и говорит:

— Ну-ко, скажи, молодец, чьего ты роду-племени и как тебя звать? Скажи, куда ты идешь, куда путь держишь?

— Звать, бабушка, меня Иван-царевич. А иду я — половина волей, а другая — неволей, а третья — своей охотой. Женился я случайно на одной старушке, а она оказалась Елена Прекрасная. Я взял и сожег ее кустом старушечий, и ее унес Кощей Бессмертный. И вот теперь иду разыскивать.

— Дурак же ты, Иван-царевич; ты мой зять, а она мне родная племянница. И не умел ты ее держать, ведь через три дня бы она была твоя навсегда, а уж теперь и не Знаю. Я тебе помочь ничем не могу. Ты знаешь, как отец скрывал ее от Кощея Бессмертного? Он весь свой капитал вложил, чтоб на семь лет закрыть ее (знают тетки те, волшебницы, может быть, и сами помогали отцу). А теперь ты иди к отцу, если он тебя помилует, дак то ладно, а не помилует, дак, пожалуй, и живому не бывать. Он отсюда живет недалёко. Вот и иди, а когда увидишь большой дом и встретит тебя старушка, напоит, накормит. Это будет твоя теща, а уж если будет сам дома, я не знаю, что тебе будет.

И вот он распростился с этой тетушкой и пошел.

Идет он, идет и идет, и идет далёко ли, близко, — сам не знает. И вдруг видит — стоит дом, большой-пребольшой. Подходит к этому дому. Только подошел к крыльцу, и видит — выходит ему старушка навстречу. Открыла дверь и сказала: — Заходи, молодец, в избу.

Когда он зашел в избу, она сейчас накрыла стол, напоила его, накормила и уложила спать. А сама села рядом и стала спрашивать:

— Ну-ко, скажи, молодец, чей ты будешь и куда попадаешь, хоть не из родни ли приводишься? А уж сама знает: тетка известила.

— Если ты был бы не из родни, то, я знаю, тетушка тебя бы не пропустила. К нам сюда птица не пролетает, зверь не прорыскивает, и молодец не проходит. Вот он и начинает:

— Вот кто я есть: я есть Иван-царевич, а иду я половина волей, а другая — своей охотой из-за большой нужды.

Вот он обсказал все свое положение. Она только охнула.

— Ну, счастлив был, зятюшко, что нет сейчас отца дома. Пропала моя несчастная Еличка у Кощея Бессмертного! А ты теперь отдыхай. Как придет отец, я тебя побужу. Будешь к нему подходить — падай на колена и проси прощения. Что он тебе скажет, я не знаю.

Иван, конечно, спит. Вдруг приходит отец в дом и говорит:

— Ну, кто у нас есть в избе, рассказывай, а то и тебе будет плохо. Кого ты запустила?

Она и говорит ему:

— Слушай, муж, у нас не чужой человек. Запустила я нашего зятя, ты знаешь, в каком он положении? Идет и горько плачет.

Он и сказал:

— Ну, веди его сюда, я с ним поговорю, если он пришел сюда. От меня ему пощады не будет никакой, если так он сделал.

Вдруг она приходит:

— Ну, Иванушко, иди, пришел отец.

Вот Иван подходит и, не доходя до него, пал на колена и говорит:

— Батюшко, прости меня, я сделал большое преступление. Он сказал ему:

— Ну, зять, встань, садись со мной за стол, я тебе расскажу все.

Вот Иван сел за стол, а отец и говорит ему:

— Знаешь ты, что сделал, что сожг этот кустом? Я всю жизнь летал по свету и собирал богатство, и все вхлопал в этот кустом, а ты сожг его, как тряпку какую. Больше я ничем помочь тебе не могу, потому что она живет у Кощея Бессмертного, и я с ним ничего поделать не могу. Ну, только могу тебе дать коня, шлем и меч, и ты теперь поезжай к Кощею, если ты это преступление сделал сам. Конечно, ты подъедешь на Кощееву территорию, он тебя будет огнем жечь и не допустит. Ты тогда снимай шлем и начинай им махать. Он тогда тебя допустит до себя, и уж ты тут разговаривай сам. Может быть можешь поступить к нему каким-ни работником, ли холодом, и все может статься, что каким-ни случаем ты ее там и увидишь. Тогда, если увидишь или достанешь ее, тогда приезжай ко мне, ну уж, если ты не достанешь Елены Прекрасной, тогда ко мне не возвращайся, а то жив не будешь.

Вот затем он выводит ему коня, дает ему меч и шлем.

Он распростился с своим тестем и тещей и отправился в путь-дорогу. Вот он ехал, ехал, ехал и приезжает на Кощееву территорию, а Кощей в это время сидел на том месте, где лежал его меч. Тогда уж начинает его Кощей огнем жечь. Он скидывает с себя шлем и начинает им махать. Тогда Кощей допустил до себя, видит, что едет какой-то с просьбой. Когда подъехал Иван к нему, он и спрашивает:

— Ну, скажи, молодец, зачем ты приехал, за какой нуждой? Он ему и отвечает:

— Я к тебе приехал, хочу поступить каким-нибудь работником или холоум, послужить верой и правдой. Тогда он ему сказал:

— Да у меня только те могут служить моими рабами, которые силой со мной равны.

Он и говорит Кощею Бессмертному:

— Я не знаю твоей силы, ты наперед покажи, что у тебя за сила.

— Тот со мной силой равный, кто может выкинуть мой меч кверху, и чтобы он пролетал шесть часов вверху, вот тот будет со мной силой равный. Тогда он сказал:

— Слушайте, вы покажите сначала сами, а уж потом я вам сделаю.

Тогда Кощей сошел с этого места, взял свой меч и бросил кверху.

Передал ему часы.

— На, смотри.

Прошло ровно шесть часов, и упал меч на то же самое место и ушел в землю, только видна была одна ручка. Берет у него часы, — Ну, иди и дай мой меч.

Иван-царевич подходит к мечу и даже и пошевелить с места его не может, и сам стоит.

Кощей спрашивает:

— Ну, что ты стоишь, не кидаешь? Время не ждет.

— А вот погоди, сейчас плывет небольшое облачко, я закину твой меч за это облако.

Кощей посмотрел на него, взял, дунул, обратил орехом и выкинул Ивана-царевича в чистое поле. Вот и лежит Иван-царевич там. Ему пошевелиться там, в орехе, было никак.

И вот лежит и день и два. На его счастье прилетел в это время орел. Прилетел орел, увидел этот орех и клюнул. Иван-царевич выскочил и говорит:

— Ну, слава богу, я теперь жив, спасибо тебе, орел-батюшко.

Отвечает орел ему:

— Дак скажи-ко, Иван-царевич, как ты попал в этот орех, объяснись мне.

— А вот, орел-батюшко, у меня Кощей Бессмертный утащил жену, и я пришел к нему, но не мог поднять его меча, и он на меня озлился, дунул на меня, обратил в этот орех и бросил в чисто поле, вот каким манером очутился я здесь.

Он все это кратко ему говорит. Отвечает ему орел:

— Да, это я знаю давно, Иван-царевич, но если ты хошь быть равной силой с Кощеем, то поди ко мне работником на три года, и я наведу тебе такую силу, что ты будешь ровен Кощею.

Иван-царевич немного подумал и говорит:

— Дак что же, орел-батюшко, я пойду с тобой.

Тогда орел посадил его на себя и полетел в свой дом (вот, бедняжка, десять лет надо мучиться). Когда прилетел орел домой, то обернулся стариком, привел Ивана царевича в кухню и говорит:

— Вот пеки и стряпай на меня да на себя, только тебе и работы, а я через год тебе заплачу за это.

Иван-царевич начинает свою работу, и в скором времени он прожил год у дедушка. Вот когда он прожил год, сели они обедать. Старик спустился в погреб и приносит бутылку вина. Вылил это вино в чашку и говорит; — Вот, Иван-царевич, выпей, это тебе за целый год, за твою работу.

Иван-царевич посмотрел на эту чашку и говорит:

— Дедушко, мне ведь не выпить будет, я от роду ведь его мало пивал совсем. А дедушко отвечает ему:

— Это ведь не для того, что будет тебе плохо. Ты пей, будет тебе для здоровья лучше.

Тогда Иван-царевич берет эту чашку и выпивает ее одним духом.

Когда они пообедали, он ему и сказал:

— Пойдем, Иван-царевич, в поле, я тебе покажу свой меч. Он такой же, как у Кощея.

Пришли к этому мечу, старик берет меч, подает Ивану часы и кидает этот меч кверху. Пролетал меч шесть часов и упал на то же место. И сказал дедушко:

— Вишь, Иван-царевич, все еще у старика сила по-старому. Дай-ко мне часы, можь ли ты мой меч поднять или выкинуть?

Тогда Иван-царевич подал часы и взял меч и выкинул его только на два часа. Меч пролетал два часа и упал на то же место.

— Теперь, ладно, Иван, пойдем домой, и продолжай у меня ту же работу.

Пришли домой, и стал Иван делать то же, что и раньше делал.

И вот провел же он опять и второй год. И сели опять с дедушкой обедать. Когда только сели обедать, дедушко ему приносит две бутылки вина и говорит:

— Ну, пей, это тебе за этот год работы.

Он даже не стал отказываться, как узнал первый раз, что за вино, взял, выпил все зараз. Когда пообедал, то дедушко ему и говорит:

— Ну-ко, пойдем в поле, посмотрим и узнаем, такая ли у меня сила, как раньше была?

Дедушке подходит к своему мечу, отдает Ивану часы и выкидывает меч. Меч шесть часов пролетал и упал на то же место. Тогда берет часы дедушко и говорит Ивану:

— Ну-ко, теперь кидай ты.

Иван выкинул, и меч пролетал уже шесть часов и пал на то же место.

Вот он сказал:

Пойдем, поживи еще у меня год.

Идут. Дорогой дедушко и говорит:

Вот, поживи ты у меня еще год, тогда у тебя силы будет в полтора раза больше, чем у Кощея. Теперь уж у тебя силы с ним равные, потому что мой меч такой же тяжести, как и Кощеев.

Теперь опять пришли домой, и Иван поступил на старое место и прожил третий год. Когда прожил третий год и сели опять обедать, дедушко приносит целую четверть и говорит:

— Вот, Иван, пей твое жалованье за третий год.

Вместо вина-то он ему дает силу. Он выпил. После обеда дедушко и говорит:

— Пойдем, Иван, в поле, я еще испробую, по-старому ли у меня есть сила?

Вот подходят опять же на то место. Дедушко берет меч, а ему передает часы. Выкинул меч. Меч шесть часов пролетал и упал на старое место. Дедушко берет часы в руки и говорит:

— Ну-ко, ты теперь, Иван, брось меч, увидим, что будет. Иван бросил. Прошло шесть часов — меча нет. Прошло семь и восемь — меча нет. Дедушко и заговорил:

— Ну, Иван-царевич, беда близко. Если не падет меч к девяти часам, то меня живого не будет, и ты также вместе со мной погинешь.

Вдруг прошло пол-девятого и девять, меч в это время пал. Дедушко и говорит:

— Ну, Иван-царевич, я тебе больше своего меча кидать не дам: ты знаешь, я не могу без него жить больше трех часов, чтобы его не видеть, что у меня душа в мечу, так же и у Кощея, вот почему я не могу жить без меча. Мой меч не сечет Кощеев меч, и также Кощеев меч не сечет мой. А теперь пойдем домой, а я тебе обскажу, как ехать к Кощею за своей Еленой Прекрасной. Теперь у тебя силы есть в полтора раза больше Кощея.

Вот они пришли домой, сели за стол, дедушко ему и стал говорить:

— Слушай, Иван-царевич, я тебе даю своего коня такого, что которого пуля неймет и которого огонь не жгет. Этот конь на воде не тонет и в огне не горит. И он тебя представит к самому Кощею Бессмертному. И вдобавок дам тебе свой меч. И когда ты прискачешь к Кощею Бессмертному, то он на тебя очень озлится и скажет:

«Кто ты такой, молодец, есть?» А ты отвечай ему так:

«Помнишь, как, бывало, ты замкнул меня в орех да бросил в чисто поле?» Он овернется посмотреть, а ты в это время соскакивай с лошади и бей его мечом своим, только не моим, а своим мечом. Когда ты его ударишь, тогда скрычат там со стороны слуги: «Бей его, собаку, другожды». А ты скажи: «Нет, у нас на Руси однежда бьют». Если бы ты ударил второй раз, он оцелит, и ты его вовеки не убьешь, а он тебя убьет. После этого ударяй меч в землю со всего маху, и меч провалится сквозь землю, и туда же его куски полетят. Потом скачи на лошадь и бери мой меч в руки. Тогда наедет на тебя двенадцать богатырей, но ты с нима легко справишься, только бей моим мечом. Когда ты убьешь этих богатырей, тогда подойди к его замкам, и там ты найдешь все закрытым на замки. Бей ты по этим замкам моим мечом и иди, разыскивай свою Елену Прекрасную. А когда ты достанешь Елену Прекрасную, то привези ее сюда, я знаю, что она очень худая сейчас, и я ее направляю. И тебе придется здесь еще

три года прожить и не спать с ней, потому что она очень худая, а ты очень теперь сильный. И надо, чтобы она сделалась тоже так же сильная.

Кряду вывел его после этого на крыльцо, а там уже стоял меч, и рядом был конь.

— Но, садись и поезжай, но помни, что я тебе сказал.

И вот он, как только сел на этого коня, так и понесся. И видит, сидит Кощей Бессмертный и огнем жгет, а конь бежит, хоть бы что. И начал Кощей Бессмертный подвертывать озера: водой топить. Конь еще сильнее бежит. Начал Кощей палить, рубить, стрелять по коню — ничто не льнёт.

Прискакал к самому Кощею Бессмертному и стал против него.

Тогда он закричал:

— Что же ты такой едешь, нахал, и стал против меня? Говори, кто ты такой есть?

Он соскочил с лошади и указал рукой в поле.

— Помнишь, как ты меня замкнул в орех и бросил туда, в чисто поле?

Кощей обернулся, смотрит в чисто поле, а в это время Иван-царевич соскочил с лошади и ударил его своим мечом и перерубил пополам. Закричали слуги:

— Бей его, собаку, другой раз! Он отвечает:

— Нет, у нас на Руси однежда бьют.

Размахнул и бросил меч в землю. Меч провалился сквозь землю, и туда же полетели куски Кощея Бессмертного. Вот он скочил на свою лошадь и берет дедушкин меч в руки. Смотрит, вдруг выехало двенадцать богатырей. Не прошло часа времени, как Иван-царевич уничтожил этих двенадцать богатырей, подскакал к замку Кощея Бессмертного, соскочил с лошади, привязал ее и подходит к первой двери. Смотрит, — замок на ней висит тяжелый. Ударил мечом — открыл первую, вторую и третью дверь. Приходит в столовую Кощея Бессмертного, где тот всегда пил и ел. Смотрит, на столе — скатерётка-хлебосолка и на ней пищи, на что только взглянешь. Вот ему захотелось есть. Сел за стол и думает: «Где у меня прекрасная Еличка теперь находится?» И как-то случайно взглянул под стол и видит под столом в полу человечью голову. Видна только одна голова. Вот он и спросил:

— Кто тут есть за человек, скажи мне-ка, есть ли жив? Голова немножко подумала и сказала; — Я есть Елена Прекрасная, но кто ты за человек и зачем ты приехал, уходи, пока не пришел Кощей Бессмертный.

— Я есть, Елена Прекрасная, Иван-царевич, пришел за тобой и теперь тебя возьму, а уж про Кощея Бессмертного помину нет: я его убил, так что об этом думать нечего.

— Коли так, Иван-царевич, и пришел ты за мной, то я тебе скажу: семь лет, как я просидела у Кощея Бессмертного, и он каждый день звал меня замуж, но я все отбивалась от него своим талисманом, что он подойти ко мне близко не мог. И вот семь лет я прожила, и он в семь полов меня закрыл, и, как хошь, меня доставай. А сёгуду прикрыл меня восьмым, и я бы умерла. Кормил он меня только одна косями. Он говорит:

— Все равно, Елена Прекрасная, вырублю я все полы, но достану тебя живую. Она и говорит:

— Нет, Иван-царевич, от трясенья мне не вынести будет я умру, а ты вот иди вдоль этой стены и там наткнешься на кнопку, как будто булавочка. Нажми ее, и там откроется дверь. Когда ты откроешь дверь, то там увидишь столько ключей, что тебе и не сосчитать будет. И вот когда ты возьмешь эти ключи, то подбирай их и отпирай постепенно все двери и снимай полы. Тогда только я спокойно выйду.

Он сейчас же встал на ноги и повел по этой стене рукой. Нашел кнопку и прижал ее. Открылась дверь. Он смотрит — там ключей, и правда, не сосчитаешь. Берет эти ключи и начинает подбирать к замкам. Подобрал и открыл все семь полов. Откроет, поднимет — и так открыл все семь полов. Открыл, и когда вышла оттуда Елена Прекрасная, тогда до чего она была худая, что на ногах стоять не могла. Он и говорит, Иван-царевич:

— Но, пойдем, Елена Прекрасная, я посажу тебя на коня, и поедем к дедушку, а там ты поправишься.

Сели на коня и отправились к дедушку. Приехали. Когда дедушко увидел, что Иван-царевич привез Елену-Прекрасную, вышел на крыльцо и говорит:

— Ой, какая ты, Елена Прекрасная, худая. Но, ладно, поживи-ко у меня три года, дак поправишься. Тогда и говорит Ивану-царевичу; — Так вот, Иван-царевич, когда ты сошелся с Еленой Прекрасной, ты ее не знал, а когда ты увидел ейную такую красоту и сожег ейный кустом, тебе с ней спать не удалось, и теперь тебе три года с ней спать нельзя, пока я ей не наведу силу такую же, какую ей нужно. А потом берет ее за руку и ведет в ту же комнату.

— Вот, Елена Прекрасная, можешь ли пекчи и варить нам с Иваном-царевичем и также и себе — только тебе и работы. Я каждый год буду тебе за это платить жалованье.

Она не отказалась, конечно. Вот она провела год. Приходит тот день, что кончился первый срок. Сели они обедать. Дедушко таким же манером приносит бутылку и говорит:

Вот тебе, Елена Прекрасная, жалованье за год, пей.

Она говорит:

— Что ты, дедушко, я от роду не пивала, где мне выпить целую бутылку.

А он и говорит. — Пей, Елена Прекрасная, это на пользу.

Ну, она и выпила. После обеда дедушко и говорит; — Так что же, деточки, пойдёмте, посмотрим мой меч; ещё ли старик может выкинуть его, ещё ли сила у меня по-старому?

Потом приходят они к мечу. Вот берет дедушко меч и дает Ивану-царевичу часы, сам выкинул меч. Простояли шесть часов, меч пал на старое место.

— Но, видно, ещё у старика сила по-старому. А но-ко, Елена Прекрасная, можешь ли его выкинуть, сколько-ни?

Она ухватила за меч и подняла его только до груди. А уж выкинуть не могла.

— Ладно, пойдёмте, а уж тебе, Иван-царевич, я меча не даю, потому что пролетает он девять часов, нам ждать долго, а может, и больше, — тогда мне и смерть.

Он уж знает, был раз в натруске, дак! Потом пришли они домой, а дедушко и говорит; — Ну, как, Елена Прекрасная, себя чувствуешь? Справилась немного?

— Да, дедушко, посправилась теперь.

— Ну, вот, поживи ещё два годика, и совсем справишься.

Она провела и второй год. Когда сели обедать, дедушко приносит ей уже две бутылки и сказал:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, за год твое жалование, пей. Она и говорит:

— Дедушко, ведь не выпить мне.

— Пей, дочка, пей.

Ну, она и выпила. Потом дедушко и говорит:

— Так что, пойдёте в поле посмотреть мой меч.

Приходят они, конечно, в поле. Дедушко берет меч, дает Ивану-царевичу часы. Выкинул. Пролетал меч шесть часов, пал опять же на старое место.

Все у старика еще сила по-старому.

Вот и говорит дедушко:

— Так что ж, Елена Прекрасная, выкинь-ко мой меч.

Она берет меч, подняла и кинула кверху. Меч пролетал три часа. Дедушко и говорит:

— Вот, хорошо; поживи-ко у меня еще год, — совсем справишься.

И кряду пошли домой. Она поступила на старую должность и быстро прошел этот третий год. Вот опять сели обедать, и дедушко приносит теперь уж три бутылки, — Вот, Елена Прекрасная, пей.

А уж Ивану-царевичу не дает, тому хватит и того, что есть. А она даже не стала и отказываться, выпила это вино. Дедушко после обеда и говорит:

— Так что же, сходимте, еще раз посмотрим мой меч, а уж больше не пойдем.

Так они и отправились в поле. Подошел дедушко к своему мечу и выбросил его вверх. Меч пролетал шесть часов и пал на прежнее место. Потом берет Елена Прекрасная этот меч и выкидывает его. Меч пролетал шесть часов. Дедушко и говорит:

— Вот, Елена Прекрасная, у тебя теперь сила такая же, как и у меня, а у Ивана-царевича на полтора раза больше. Теперь ты можешь с ним жить и спать, и живите, как желаете.

Так вместе все пошли оттуда. Иван-царевич захватил Елену Прекрасную за руку и пошли к дедушке в дом. Дедушко еще говорит:

— Вот если у вас будут и дети, то будут такие же, как и ты, Иван-царевич, сильные.

Пожили они у дедушка неделю, Ивану-царевичу стало скучно. Стал он об отце и матери и также о братьях думать, ведь десять лет не бывал там. А ему интересно еще узнать, что кому достанется царство или кому досталось. Тогда Иван-царевич подошел к дедушке и говорит :

— Как бы мне, дедушко, съездить на родину, повидаться с родными, я уж десять лет не бывал, как ты знаешь сам.

Дедушко и говорит:

— Ну, что же сделаешь, поезжай, дам тебе коня. И дам с таким расчетом, что если желаешь сюда приехать, то корми коня, а если не приедешь, то не корми, а сразу отправь сюда.

Может быть дедушко сам конем будет, да поди знай, может, и к Кощею-то он на дедушке ездил, потому что тот после его ни об чем не спрашивал.

Потом Иван-царевич спомнил тестев наказ, что приезжать просил вместе с дочерью. (Опять у дедушка будет разрешенья просить.)

— Так вот, дедушко, скажи правду еще. Я тебя спрошу: когда я был у тестя, то он мне сказал: «Ежели достанешь Елену Прекрасную, то приезжай повидаться». Можно ли будет к нему завернуть? Тогда дедушке и сказал.

— Ну, что же сделать, как велел, так пущай Елена Прекрасная повидается с отцом, с матерью, но только не больше живи, как четыре часа.

Так, тогда Иван-царевич стал благодарить дедушка, и также Елена Прекрасная. И вышли на двор, где стоял конь. Посадил Елену Прекрасную на лошадь, сам скочил и поехал. Только сели, как были у тестя своего. Когда увидела мать зятя и дочь, то выбежала на крыльцо и стала плакать и целовать их обоих. Потом поведав дом. Да, привела в дом, тут же встретил отец, тоже стал со слезами обнимать и ласкать зятя и дочь. Тут же сели они за стол. Тогда он говорит своей старухе:

— Ну, старуха, неси на стол, чего у нас только есть, все неси.

И вот она нанесла — ешь, на что только взглянешь. Когда поели, тесть и говорит:

— Ну, теперь расскажи, Иван-царевич, как ты достал Елену Прекрасную. Он ему и отвечает:

— Слушай, батюшко, если мне все это вам рассказывать, как я достал Елену Прекрасную, нас затянет очень долго, а мне дедушко-орел не велел долго оставаться. С таким расчетом и лошадь дал.

— Знаю, Иван-царевич, я орла. Дак это он тебе помог?

— Да, он.

Тогда он кое-как, кое-что рассказал ему простенько, как это было все дело. Тесть и говорит:

— Ну, ладно, молодец, Иван-царевич, живите счастливо с моей дочерью и поезжайте. А то думал, что ты у меня проведешь год, а уж коли так дедушке сказал — поезжайте.

Распростился он с отцом, с матерью, сели на лошадь и поехали. И как только поехали, то уж были в своем царстве, еще не прошло и суток. Когда Елену Прекрасную увез Кощей Бессмертный, то этот ковер, который пел и плясал, а также река Нева и утки, и селезни, — все это уничтожилось, и ковер лежал недвижимо. А как Иван-царевич и Елена Прекрасная только приехали в свое царство, ковер опять же стал плясать и играть и тоже образовалась опять река Нева — все, как было. Вот народ-от и повеселел. Пока не было Елены Прекрасной в этом государстве, это все царство было как-то уныло. И уже вышел срок, п отец-царь находился при смерти и все дожидал, что Иван-царевич приедет. И как раз в этот день уже хотел передавать престол старшему сыну. Вот только приехала Елена Прекрасная, царь сразу повеселел, и по всему государству понеслись духи и ароматы, и народ стал весь веселый, хотя еще никто не знал, что они приехали. Вот они, как вошли в царство с Еленой Прекрасной, то все комнаты качались и полы тряслись, и все люди смотрели на них и дивились (такие два богатыря не легки были). Только зашел в эту залу Иван-царевич, где сидели гости и братья, то отец и мать бросились им на шею и очень обрадели. Тогда отец и говорит старшему сыну Василию:

— Ну, Вася, уж как хотишь, а теперь тебе придется отступить, раз пришел Иван-царевич, так ему и владеть престолом.

Тот не стал поперечить и вышел с царского места, а на его место сел Иван-царевич.

Тут Ваня сейчас вспомнил про коня. Только Иван-царевич сел за стол со своей Еленой Прекрасной, как вспомнил и говорит:

— Слушай, Елена Прекрасная, мы с тобой совсем забыли дедушкину заповедь. Раз мы решили остаться в царстве — надо бежать скорее, отпустить коня.

Тогда они прибегают на двор, отвязали коня и говорят:

— Ну, милый наш коничек, большое тебе спасибо, что привез ты нас в свое царство, и скажи ты дедушку от нас тоже большое, большое спасибо, что он нам во всем помогал!

И так конь скрылся из виду.

Пришли, на свое место сели, стали его отец и мать спрашивать:

— Ты что, Иван-царевич, отпустил коня, ведь у нас бы было чем его накормить, напоить, хоть тем, что ты сам пьешь, ешь, накормили бы, напоили.

А он ответил. — Мне держать его было больше нельзя, надо было исполнить дедушкину заповедь. Тогда говорит отец:

— Я все-таки осмелюсь спросить, сынок, как ты достал Елену Прекрасную?

Он начал рассказывать. И все он рассказал, как что с ним случилось, как он в орех был замкнут, как ему дедушко помогал и как с Кощеем бился — все обсказал, что с ним было. Все слушали, и многие даже плакали над его приключениями — повторять не будем. Тогда, значит, Иван-царевич получил престол, и все обрадовались, что Иван-царевич стал царем. И стали они жить и быть до глубокой старости.